

Михаил Водяной: и в шутку, и всерьез

«Не могли бы вы рассказать об артисте Одесского театра музыкальной комедии Михаиле Водяном, так блистательно выступившем в главной роли в кинокомедии «Свадьба в Малиновке»? Почему он так мало снимается в кино? Как он пришел в оперетту?..»

Б. ВОЛКОНСКИЙ,
инженер.

РОСТОВ-НА-ДОНУ.

Дружеский шарж
В. РОЗАНЦЕВА

...На творческом вечере народного артиста УССР Михаила Григорьевича Водяного в Центральном Доме актера Леонид Осипович Утесов назвал его «полпредом Одессы в стране». Вероятно, он сказал так потому, что Михаил Водяной чаще выступает в Москве, Ленинграде, Свердловске, за границей, чем в городе, где живет. А мне повезло. М. Г. Водяной я застал в Одессе.

— Ну что ж, начнем с самого начала, — говорит Михаил Григорьевич, — с родителей. Илья Ильф в таком случае отвечал, что «отец мой мельник, мать ру-

салка». А если серьезно, то мои родители не имели никакого отношения к театру. Я же думал рвать и метать в драме и поступил в Ленинградский театральный институт... Ну, а в оперетту попал совершенно случайно. На III курсе института меня вдруг приглашают в Пятигорский театр музыкальной комедии. Мне 19 лет, настоящий театр, настоящая роль, — короче, я уехал в Пятигорск.

— И что же это была за роль?

— Роль пана Черчила в «Свадьбе в Малиновке». Работал я над ней самозабвенно. Выучил мгновенно. Благо, она не имела ни одного слова. Потом еще роль, потом еще...

— Кстати, сколько всего вы их сыграли в своей жизни?

— Больше ста. Одни получились, другие нет — так то число это ни о чем не говорит... После Пятигорска я играл во вновь организованном Львовском театре музыкальной комедии, а в 1954 году весь наш театр был переведен в Одессу. Вот так я и стал одесситом.

— А если бы вы не приехали сюда, в каком другом городе хотели бы жить?

— В Одессе. Здесь — наш театр. Здесь — удивительнейшие люди. Здесь — Одесса.

— И, вероятно, ваша любимая роль — одессита?

— Их у меня не одна, а целых четыре. Это — Альфред Дулитл в «Моей прекрасной леди». И три действительно чисто одесские. Это Яшка-буксир в «Белой акации», Мишка-Япончик «На рассвете» и, конеч-

но же, Попандуполо в «Свадьбе в Малиновке».

— Не потому ли вы согласились сняться в одноименной кинокомедии?

— Скорее всего — да. Правда, до этого я уже участвовал в кинофильмах «Эскадра уходит на запад» и «Белая акация». Но «Свадьба в Малиновке» — это на всю жизнь. Это, как первая любовь...

— Михаил Григорьевич, у вас было много приглашений на очень интересные роли, вас звали «насовсем» в кинематограф, но...

— Я прежде всего актер театра и останусь им навсегда. Что касается отдельных ролей, то как-то все не получалось: то заболел, то гастроли, то еще что-нибудь приключится. Вот и сейчас пробуюсь на большую роль...

— Заранее извините, Михаил Григорьевич, за слишком «модный» вопрос. Ваше увлечение?

— Машина. Но — не чинить ее, мыть, драить и прочее, а только путешествовать.

— И во многих странах вы побывали?

— В двадцати трех. Много это или мало — не знаю, но, как говорил один юморист, нет смысла совершать кругосветное путешествие, чтобы сосчитать слонов в Занзибаре. Вот я и пытаюсь по мере сил этим не заниматься.

— Вы болельщик «Черноморца»?

— А кого же еще?

— Но есть же киевское «Динамо»?

— Это почти одно и то же. У нас здоровая конкуренция и здоровый обмен игроками... Кстати, чемпионом страны 1970 года по футболу станет одесский «Черноморец». Так как в театре мне ни разу не доставалась роль провидца, то очень хочется побыть им хоть в жизни.

— Михаил Григорьевич, не могли ли бы вы рассказать нашим читателям о самом смешном случае из вашей актерской биографии?

— Пожалуйста. Мы играли «Баядеру» в Зеленом театре Одессы. В третьем акте я дол-

жен был выходить на сцену с живой собачкой — Пуфиком. И каждый раз его нам приносила какая-то очень милая старушка, живущая, видно, рядом. Но однажды хозяйка собачки вдруг не пришла. Время идет, ее нет. Заканчивается действие, ее нет. Мне вот-вот выходить, ее по-прежнему нет. Что делать? Ведь целый диалог построен на злополучном Пуфике. И тогда совсем отчаявшийся администратор куда-то бежит, откуда-то возвращается и сует мне в руки огромного, удивительно рыжего кота. Естественно, времени в обрез, партнершу я предупредить не успеваю. Завораживаю во фрачную накидку сего котика и — на сцену. Все идет отлично. Я красиво прогубливаюсь. Я красиво придерживаю кота рукой. И когда партнер у меня спрашивает: «Ну что, Наполеончик, опять гуляете с Пуфиком?» и, ничего не подозревая, открывает накидку, — в ответ раздается душераздирающий кошачий визг. А зал радифицирован. А зал на четыре с половиной тысячи мест. А кошачий визг усиливается и усиливается. Когда я его отпустил, в зале стоял такой хохот, что ему бы позавидовали Луи де Фюнес вместе с Бурвильем. С тех пор я больше никогда не видел ни того кота, ни ту старушку... Но те зрители иногда мне снятся...

— Коль речь зашла о зрителях, то где вы любите больше всего выступать?

— В Москве и Ленинграде. Этот зритель — самый доброжелательный, самый приятный. Прекрасно понимаю, чем рискую, сделав такое заявление, но от этого нигде не денешься. Зритель есть зритель.

— Да, зритель остается зрителем, а вы — актер. Как вы относитесь к популярности?

— Я вам лучше скажу вот о чем. В двух сериях «Неуловимых мстителей» в роли одесского куплетиста Бубы Касторского отлично выступил московский актер

Борис Сичкин. И что вы думаете? Письма с благодарностью за эту роль идут и идут ко мне. Так что «не приходи к живущим слава», как сказал один поэт.

— Если бы вдруг (можем же мы пометать?) появилась настоящая веселая оперетта на так называемую рабочую тематику, какую бы роль вы хотели в ней сыграть?

— Любую. Лишь бы она появилась.

— Но так как ее все же нет, в какой новой роли вас можно скоро увидеть?

— В апреле наш театр сдает на суд зрителей оперетту В. И. Соловьева-Седого по либретто Г. Плотника и главного режиссера нашего театра заслуженного артиста РСФСР М. Ошеровского «У родного причала». В ней я играю роль человека интересной судьбы, в прошлом боевого разведчика, а ныне капитана маленького буксира «Ураган» Ивана Гаркуши. Готовим мы и еще два спектакля, но о них говорить еще очень рано...

— И последнее. Совсем не традиционное. Не могли бы вы в этом интервью задать себе вопрос и на него ответить?

Михаил Григорьевич немного задумался, помолчал, а потом сказал: «В каждом комике живет трагик. Не мечтаю ли я о такой же роли?». Отвечает: «Все еще мечтаю. Я очень хочу сыграть настоящую, очень драматическую роль».

Е. ФАДЕЕВ.
(Наш спец. корр.)

ОДЕССА.